ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Евгений Шалашов

ЧЕКИСТ

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

«КРЫЛОВ»

Чекист

Евгений Шалашов

Чекист. Новое назначение

«Крылов»
2021

УДК 177.5
ББК 88.5

Шалашов Е. В.

Чекист. Новое назначение / Е. В. Шалашов — «Крылов», 2021 — (Чекист)

ISBN 978-5-4226-0473-9

Интервенты выбиты из Архангельска, но враги далеко не побеждены. Враги затаились и ждут удобного момента, чтобы всадить нож в тело молодой советской власти — как в переносном, так и в самом прямом смысле. Возглавить борьбу с засевшими в Архангельске внутренними врагами предстоит ему — Владимиру Аксенову. Он теперь уже не рядовой чекист-разведчик, а, несмотря на молодость, почти всемогущий начальник архангельской ЧК, да еще и Председатель правительственной комиссии по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на Севере. Что жизнь не облегчает, скорее, делает опасней. А тут еще и из Москвы приходит вызов, что, как известно, никогда ничего хорошего не предвещает…

УДК 177.5
ББК 88.5

ISBN 978-5-4226-0473-9

© Шалашов Е. В., 2021
© Крылов, 2021

Содержание

Пролог 6
Глава первая. Наши в городе 7
Глава вторая. Честь мундира 12
Глава третья. Новое назначение 17
Глава четвертая. Подвести под монастырь 22
Глава пятая. Совещание личного состава 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Евгений Васильевич Шалашов
Чекист
Новое назначение

* * *

© Шалашов Е., 2025
© ИК «Крылов», 2025

Пролог

Красные не собиралась вести серьезного наступления, а только пытались немного выровнять фронт, оттеснив белых верст на десять, не больше. И сам командарм шестой армии, и его штаб поначалу даже не поверили, что противник, с которым они воевали полтора года, ни с того, ни с сего начал бежать, бросая оружие и технику.

Северный фронт уже не разваливался, он просто исчез, а двадцатитысячная армия белых откатывалась к Белому морю, даже не попытавшись оказать сопротивление Красной армии, насчитывавшей тысяч двенадцать.

К «Козьме Минину» – единственному ледоколу, откликнувшемуся на приказ Северного правительства вернуться в Архангельск – тянулись мужчины: военные и штатские, груженые чемоданами и мешками. Не видно было ни женщин, ни детей. Не было заметно и обер-офицерских погон, лишь штаб-офицерские да генеральские, а одежда штатских отличалась добротностью и шиком.

Это эвакуировались члены Правительства – министры и их секретари, заведующие отделами и товарищи министров. Эвакуировались высокие армейские чины, в первую очередь штабисты.

Казалось, судно уже накренилось на один борт и вот-вот перевернется. В суматохе не сразу заметили, что два морячка из команды «Минина» резко выскочили из трюма и сломя голову кинулись на берег, расталкивая толпу.

Но вот сходни убрали, и ледокол, перегруженный счастливчиками, начал спешно отчаливать от архангельской пристани. На берегу же еще метались люди, мечтавшие попасть на корабль. Среди них-то и были унтер- и обер-офицеры, их жены с детьми, простые люди, не желавшие оставаться с большевиками. Что же, в этом тоже нет ничего удивительного. Все люди разные, и кому-то коммунистическая идеология не по нраву.

Оставшихся на пристани оказалось гораздо больше, чем мог бы взять на борт «Минин», но они зачем-то кричали, махали руками и платками, словно надеясь, что ледокол одумается и вернется за ними. Нет, дорогие мои, не вернется, а вам теперь придется жить с нами, с красными, приспосабливаться к нашим условиям. Ну, или бороться с нами, если сможете.

А на берегу телеграфист, державший в трясущихся пальцах длинную бумажную ленту, уже зачитывал неудачникам сообщение Правительства: мол, вина за поражение лежит на всех вас, потому что вы заразились ядом большевистского разложения и не пожелали продолжить борьбу с большевиками.

В *той* истории «Козьма Минин» с остатками Северного правительства и верхушкой армии выйдет в Белое море, а там, узнав, что Мурманск уже захвачен взбунтовавшимся гарнизоном, ночью с выключенными огнями уйдет в Норвегию.

В *этой* истории ледокол до Мурманска не дойдет. Архангельское подполье, получив точные данные (еще бы им не быть точными), принял меры. Две адские машины, установленные в трюме, должны сработать ровно через пять часов с паузой в десять минут, увлекая на дно морское и Миллера, и всю компанию. Может, кому-нибудь повезет, а может, и нет…

Глава первая. Наши в городе

Говорят, в Архангельске в феврале двадцатого года творилось то же, что в феврале семнадцатого в Петрограде. Про столицу ничего не могу сказать, не видел, а вот про Архангельск, да, могу. Мне пришлось выступать и в роли свидетеля, и в роли активного участника событий.

Солдаты спешно создавали революционные войсковые комитеты, арестовывали своих офицеров, сдавали их под расписку в тюрьму, а сами разбегались по домам. Мелкие чиновники начинали объявлять забастовки, выражая свое неповиновение правительству, которого уже не существовало.

Бешеную деятельность развернули матросы. В первую очередь, на всех судах они подняли красные флаги, создали революционные комитеты, а офицеров, выказавших неповиновение, отправили под арест. Молодцы, что не выкинули своих командиров за борт, как это произошло в семнадцатом году, поберегли «золотопогонников» для революционного трибунала.

Моряки еще снарядили два ледокола в погоню за «Мининым». Сомнительно, чтобы старые корабли сумели его догнать, но попытаться стоило. Впрочем, получив сведения от главного революционного (бывшего подпольного) комитета, что это уже не требуется, передумали. Зато перехватили собиравшуюся плыть по проделанному ледоколом пути яхту «Ярославна», обнаружив на ней два десятка не успевших покинуть город архангельских промышленников, запасы провизии, а также деньги и драгоценности. Деньги и прочее моряки честно сдали в ревком, а вот продовольствие посчитали законной добычей. Впрочем, претензий им никто не высказывал.

На всех зданиях появились красные флаги, народная милиция, ранее патрулировавшая улицы в шинелях с погонами, теперь бродила по городу без погон, зато с красными повязками на рукавах. Скорее всего, повязки у них сохранились с августа восемнадцатого, когда они еще являлись рабоче-крестьянской милицией.

Что называется – и смех, и грех. Один из полков, укомплектованный наиболее стойкими противниками Советской власти, засевший в казармах и намеревавшийся драться до конца, был деморализован за два часа, когда к воротам подошли жены и матери солдат, явившиеся забрать своих мужиков по домам. И, что любопытно, забрали.

Из двадцатитысячной армии продолжить борьбу с большевиками отважилось не более батальона. Но, не решившись остаться в Архангельске, построились и ушли пешим походом куда-то в сторону Мурманска. Ежели не замерзнут по дороге, возможно, что и дойдут. Но что они там станут делать, непонятно. В Архангельск уже пришла радиограмма, что в Мурманске власть перешла к вновь избранным советам, и теперь там ждут прихода седьмой армии. У белых остается лишь один выход – раздобыть лыжи, попытаться пробиться в Финляндию, и коли получится, на долгое время осесть в лагере для беженцев, а потом попытаться отыскать лучшую долю где-нибудь в Париже или Берлине. Финны отчего-то не очень охотно соглашались принимать бывших белых офицеров.

Губернская тюрьма спешно освобождалась от всех прежних узников, включая не только политических, но и уголовных, принимая все новые и новые партии. Кроме офицеров туда сдавали не успевших сбежать членов правительства и городской администрации, командиров кораблей, не поддержавших матросов. Нескольких вчерашних гимназистов, нацепивших красные околыши на зимние шапки, гордо отконвоировали в узилище одноногого ветерана двух войн, полковника в отставке Карла Яновича Витукевича. Красная армия еще не успела войти в город, как уже переполнилась не только тюрьма, но и всё мало-мальски напоминающее места заключения – здание окружного суда, помещения профсоюзов и рабочие клубы.

Начальник тюрьмы господин Орленко, внезапно ставший товарищем Орленко, назначенный на эту должность еще до Первой мировой войны и остававшийся при ней и при больше-

виках, и при белых, сокрушался, что количество арестантов в два раза превышало количество мест, и ему приходится ломать голову – чем кормить этакую прорву народа, если старой власти уже нет, а новой еще нет. Покамест как добросовестный человек Орленко пытался изыскать средства самостоятельно, надеясь, что новая власть отметит его рвение. Кстати, не так уж он был и не прав. Тюрьмы, как и больницы, нужны при любых режимах, и у господина-товарища оставался реальный шанс сохранить свою должность и при новом витке истории и очередной смене власти.

Как это не покажется странным, нежданное падение Белого фронта застало Красную армию врасплох. Ну куда же это годится? Готовились воевать, получили дополнительные резервы, артиллерию, а тут такое…

Самойло, бывший генерал царской армии, опасался какого-нибудь подвоха, и красные наступали не спеша, с разведкой, но встречали только брошенное оружие, технику, а еще сотни солдат бывшей армии, спешивших сдаться в плен. Только в районе станции Обозерская сдалось около двух тысяч белогвардейцев. Теперь ломай голову – как прокормить всю ораву?

На сам Архангельск тоже двигались не спеша, а захватив без боя Холмогоры, узнали, что Миллер и верхушка спешно эвакуировались, бросив на произвол судьбы своих солдат и офицеров. Но все равно красные еще два дня проторчали перед Архангельском, ожидая засады. Вдруг город превратился в огромную ловушку, где из каждого окна встретит пулеметная очередь, а колокольни превратятся в снайперские точки?

Первым в город въехал захваченный еще летом английский танк, отремонтированный, освоенный и зачем-то взятый с собой в наступление.

Танк въезжал в сопровождении полуэскадрона кавалеристов во главе с Хаджи-Муратом, а уже следом двигалась пехота.

Двигались осторожно, занимая в первую очередь главные улицы, а уже потом разбиваясь на небольшие группы, проверявшие на всякий случай все переулки, осматривавшие подозрительные места. Они были готовы столкнуться с сопротивлением, но, к вящему удивлению, вначале увидели красные флаги, а потом толпу, выстроившуюся вдоль Троицкого проспекта, по которому как раз и двигался единственный танк.

В результате, вместо захвата города с боем получился торжественный и абсолютно незапланированный вход Красной армии.

В те дни, когда солдаты ловили собственных офицеров, а городские обыватели вывешивали красные флаги, я занимался совсем другими делами. Когда стало понятно, что боевых действий не будет, подпольный комитет партии, не заморачиваясь на смену названия и прочие внешние атрибуты, озаботился другой проблемой, возможно, более важной – как решать продовольственный вопрос? С приходом Красной армии едоков прибудет, это понятно. Пока подтянутся тылы, возобновят движение по железной дороге, пройдет время. И сможет ли центральная часть России, сама нуждающаяся в хлебе, помочь Архангельску? Вопрос этот уже поднят, радио «Таймыра» отправило соответствующий запрос, из Центра пообещали, но когда это будет? Нам же понадобится кормить почти сорок тысяч горожан, десять, а то и двенадцать тысяч красноармейцев и еще некое количество военнопленных. Если по минимуму – шестьдесят тысяч, по максимуму – семьдесят.

К своему удивлению и радости, среди оставленных в порту кораблей обнаружился не просто клад, а настоящий Клондайк. Шведский пароход «Хальмарк», зафрахтованный во время экспедиции Вилькицкого по Северному морскому пути в Сибирь, к Колчаку и которому положено давным-давно отираться в гавани Стокгольма, почему-то нашелся в Соломбале, затерявшись между ржавыми баржами, предназначавшимися на слом и переплавку. По скромным подсчетам, в трюме находилось около ста тысяч пудов зерна и столько же муки. Еще отыскали пятьсот пудов сыра и сколько-то там мяса. Мясо, увы, для употребления в пищу не годилось –

протухло и очень скверно воняло. Но именно благодаря мерзкому запаху пароход и был обнаружен.

Мальчишки, промышлявшие всякой-всячиной, пошли на запах, перепугались, решив, что на пароходе лежат разлагавшиеся мертвецы, сообщили взрослым, а там всё и завертелось.

Мне стало интересно – как же так получилось, что груз, уже официально распределенный среди горожан и благополучно съеденный (по отчетам), оказался на заброшенном причале? Что это – глупость или желание кого-то из членов Северного правительства «нагреть руки» на голоде и горе? Скорее всего, последнее. Хлеб во все времена служил самой лучшей валютой, посильнее золота. Что-то мне это напоминало. Да, именно это. Ситуацию накануне февральской революции, когда рядом с Петроградом стояли заполненные зерном эшелоны, а голодные домохозяйки и рабочие по нескольку суток проводили в очередях за хлебом, пока у кого-то не лопнуло терпение. Но в семнадцатом это была точно рассчитанная акция, направленная на формирование недовольства и на начало революции. А здесь? Может, в правительстве Миллера у нас, у красных, имелся тайный доброжелатель, поставивший своей целью скорейшее свержение белых? Не думаю. Скорее всего, имелся шкурник, да не один, собиравшийся набить собственный карман. Но коли хлеб так и остался в трюме, у него это не получилось. А ведь этот хлеб позволил бы Архангельску продержаться если не месяц, то хотя бы недели две, и за это время всё могло измениться.

Впрочем, а что изменилось бы за две недели или за месяц? Ровным счетом ничего. Северное правительство только продлило бы собственную агонию, а падение белого режима могло стать куда болезненнее.

Теперь стояла задача взять под охрану бесценный груз «Хальмарка», разгрузить его и распределить между предприятиями и районами города, а потом наладить раздачу хлеба горожанам.

К счастью, у руководителя подполья, того самого Михаила Артемовича, с которым мы были знакомы, имелся опыт распределения продовольствия еще с прежних времен, да и у остальных товарищей тоже.

Вход Красной армии в город прошел как-то мимом меня. Ну вошли и вошли, и замечательно. Пусть теперь берут под охрану стратегически важные объекты, устанавливают правительство, производят аресты. Вспомнит обо мне Москва, и хорошо, а нет, тоже ничего. Покамест архангельское подполье задействовало меня не как сотрудника ВЧК, а как члена партии. Мне пришлось участвовать в бесконечных заседаниях, о чем-то спорить, доказывать, самому стоять в охране драгоценного парохода и даже побыть в роли грузчика, потому что для разгрузки зерна задействовали самых надежных товарищей, включая всех членов подполья во главе с Михаилом Артемовичем. Вот сегодня в кои-то веки удалось выкроить время для сна, так и то какая-то сволочь разбудила.

В дверь забарабанили властно и сильно. Похоже, вначале стучали кулаком, а теперь прикладами.

– Открывай, мля! – донеслось из-за двери. – Щас дверь гранатой высадим, на хер!

Будь я один, попытался бы немного повоевать, а со мной женщина. Если в дело пойдут гранаты, ни дому, ни Галинке несдобровать. К тому же в городе уже Красная армия, а вести боевые действия со своими в мои планы не входило.

Отстранив Галину, рванувшуюся открывать дверь, и со вздохом убрав браунинг, я отодвинул засов и увидел на крыльце конопатого курносого парня с наганом, нацеленным мне прямо в грудь, а за ним двух солдат с винтовками. Судя по красным звездам на папахах – свои.

– Аксенов? – поинтересовался курносый, поигрывая оружием.

– Допустим, – кивнул я. – А вы по какому поводу?

– Когда надо будет – узнаешь. Живо собирайся, сучара, – ткнул меня наганом в грудь красноармеец. – Дернешься, пристрелю, мля. Надевай шинелку, а не то прямо так пойдешь, в гимнастерке.

– Граждане, что здесь такое происходит? – попыталась вмешаться Галина, но её вопрос наткнулся на хамство курносого:

– А ты заткнись, подстилка белогвардейская. Подожди, твоя очередь еще наступит! А станешь вякать, так и тебя шмальну, старая кочерыжка. – Повернувшись ко мне, парень рявкнул: – Мне тебя долго ждать-то, гнида?

Я с трудом поборол желание сравнять нос парня с его наглой мордой, но наган и две винтовки заставили меня покамест не дергаться и не спорить. К тому же, если честно, я был полностью обескуражен. В совершеннейшей растерянности я вдел руки в рукава шинели, нахлобучил шапку и пошел.

Кажется, нечто подобное у меня уже было. Дежавю, блин. Но в прошлый раз меня вели более вежливо, без демонстрации намерений. Сейчас же все по канонам старого фильма – впереди командир с наганом, а сзади в спину (мою, между прочим) упираются два штыка.

Идти по архангельским улицам с таким эскортом отчего-то было стыдно. Наверное, потому что меня вели свои. Вот если бы белые, то нормально. Кажется, мелькнул кто-то знакомый. Нет, наверное, показалось.

Курносый время от времени озирался и приговаривал:

– Что, гнида белогвардейская, страшно? Ничо, щас мы тебя в расход пустим, недолго тебе бояться.

Я просто шел, ничего не отвечая, не пытаясь орать – мол, это какая-то несправедливость, задержали меня неправильно! А смысл? Если меня не расстреляют сразу, узнаю, зачем меня арестовали и за что. Теоретически повод арестовать разведчика есть всегда. Например, меня можно смело арестовывать за то, что позволил уйти резиденту английской разведки. Еще повод: если предположить, что адреса и фамилии, данные паном Зуевым, при тщательной проверке оказались туфтой, то можно инкриминировать Аксенову, то есть мне, преступную небрежность, а при желании можно отыскать и сговор с врагом.

Самое забавное, что браунинг так и лежал в моем кармане, потому что ни командир, ни его бойцы не догадались меня обыскать. Они что, тупые? Или настолько наглые и самоуверенные, что не ожидают сопротивления? Странно. Стало быть, эти парни не из ЧК и не из военной разведки товарища Аралова. Коллеги меня бы точно обыскали. Скорее всего, здесь просто красноармейцы, которым поручено выполнить задержание. При желании, могу положить на февральский снег всех троих, им ни штыки не помогут, ни револьвер. Но положить-то я их положу, а что дальше? Уходить в леса, подаваться в белые партизаны? Так тут вам не Крым, не Кавказ, где организованное сопротивление продлится еще года два. В тайге или в тундре долго не партизанствуют, климат не тот, и поддержки местного населения не будет. Нет уж, пойдем до конца, куда поведут.

А если меня расстреляют, стало быть, не узнаю. Но ведь интересно же!

– И чего вас, б… ей, еще и допрашивать водят? – сплюнул себе под ноги курносый. – Я бы прямо на месте и кончал, суки. Вы с нашими-то не церемонились, к стенке ставили, а мы тут цацкаемся.

– Товарищ командир, у беляка сапожки хорошие, может снимем? – подал голос один из конвоиров. – Мои-то чоботы совсем развалились.

Командир опять оглянулся, осмотрел башмаки подчиненного – и впрямь «каши просят», махнул рукой:

– На расстрел поведем, тогда и снимем.

– Так, может, его не сегодня расстреливать станут, а через неделю или через месяц. Мне что, в драных чоботах всю зиму ходить? – возмутился боец. – У тебя-то вон, крепенькие, не драненькие.

– А я командир, мне положено! – парировал курносый. – Ты, Митек, вначале до комвзвода дорасти, так будут у тебя и сапоги, и сало, и все прочее.

Потом, сжалившись над подчиненным, примирительно сказал:

– Да не мельтеши ты, Скворцов, потерпи, получше себе сапоги выберешь. Этого не расстреляют, другой будет. А щас возьмешь, скажут потом – мол, хорошие у тебя сапоги, неча брать.

Похоже, меня вели туда же, куда и в первый раз, когда по милости моей квартирной хозяйки и старшего по кварталу я едва не угодил в Белую армию. Так и есть – вон здание, похожее на длинный сарай, не снятая до сих пор надпись со старой орфографией «Мобилизаціонный пунктъ». Около входа топтался часовой.

М-да, не похоже, что меня собираются мобилизовывать в Красную армию.

Глава вторая. Честь мундира

Меня втолкнули в «Мобилизаціонный пунктъ» и закрыли за спиной дверь. Спасибо, прикладом не врезали для скорости. Знаю, что после такого «ускорения» бывали и сломанные позвонки, и треснувшиеся лопатки.

Постоял пару минут, подождал, чтобы глаза привыкли к темноте, потом пошел осваиваться с новым пространством.

Здесь ничего не изменилось со времени моего последнего посещения, да и чему меняться? Народа немного, не больше сорока человек, и свободное место отыскал без труда.

– Кем будете? – поинтересовался сосед – дядька средних лет в форменной шинели чиновника, но без петличек, позволяющих определить ведомство.

– Чекистом, – честно ответил я, но чиновник отчего-то мне не поверил. Скривился, словно ему предложили лимон без сахара, и отвернулся, отчего я совершенно не расстроился. Никак не хотелось начинать «отсидку» с разговоров. Дайте вначале в себя прийти, разговоры потом.

Хотелось устроиться поудобнее, но как это сделать, если ни кровати, ни нар, а лишь голый пол? Одно из стекол выбито, оттуда нещадно дуло. По сравнению с этим «Мобилизаціонным пунктом» камера в архангельской тюрьме вспомнилась с толикой грусти – комфортабельное помещение, к стене которой примыкала стена печи, двухъярусные кровати с матрасами и одеялами, а уж комната для задержанных в здании английской контрразведки выглядела и вовсе санаторием. Про Мудьюг вспоминать не станем, да и провел я там всего одну ночь.

А ведь здесь не топят. Уже сейчас довольно прохладно, а ночью грянет настоящий дубак! Эх, зря я так недружелюбно общался с соседом, иначе у нас имелось бы две шинели на двоих – одну расстелить на полу, второй укрыться, так гораздо теплее.

Отстегнул хлястик, соорудил из шинели нечто похожее на спальный мешок. Вроде, теперь лучше. Задумался – снимать ли сапоги, но решил, что пока рано.

А ведь у меня скоро «юбилей». В марте исполнится два года с момента моего «попаданчества», а за это время меня уже второй раз арестовывают.

Насколько позволяло зрение и освещение, сумел разглядеть, что треть моих сокамерников – люди гражданские, в черных шинелях или пальто, а все остальные – офицеры. У некоторых даже погоны не сорваны. Часть – в опрятных и чистеньких шинелях, явно «тыловики», а большая – в истасканных и изгвазданных, кое-где прожженные, с дырками от пуль – «окопники». Вот, они уже о чем-то горячо спорят. Может, выясняют, кто из них больше «родине ценен», а может, спорят о тонкостях битвы при Каннах, где Ганнибал разгромил численно превосходящую армию римлян, и гадают – отчего не устроили большевикам нечто подобное под Холмогорами.

Мне бы полагалось ломать голову – за что арестовали, что со мной будет дальше, но лезли абсолютно другие, неподходящие, если не сказать дурацкие, мысли: для чего строился этот «мобилизационный пункт»? На школу или иное учебное заведение не похоже, на госпиталь тоже, да и не задействуют госпиталя для иных дел. Может, раньше здесь размещался какой-нибудь гимнастический зал? В Архангельске, помнится, имелась собственная военная гимназия, должны же ее воспитанники где-нибудь заниматься фехтованием и гимнастикой? Не выдержав, я обратился к соседу:

– Сударь, если вам не сложно, не соблаговолите ответить на один вопрос? Не подскажете, для каких целей служило это помещение?

Чиновник оторопело уставился на меня, часто-часто моргая ресницами, но потом ответил:

– Это здание, милсгосударь, строилось как мобилизационный пункт для резервистов и ополченцев в девятьсот тринадцатом году.

– А у нас были ополченцы? – удивился я.

Мой собеседник заморгал еще сильнее.

– Бывшему офицеру непростительно забывать подобные вещи, – покачал он головой и назидательно произнес: – К Великой войне готовились заблаговременно. Потому еще в тринадцатом году отстроили несколько зданий для военных нужд, а потом начали проводить регистрацию офицеров запаса, из отставников же создали резерв для возможного ополчения.

– А с чего вы взяли, что я бывший офицер? – поинтересовался я.

– А кем вы еще можете быть? – ответил чиновник вопросом на вопрос, словно еврей. – Солдат сюда не приводят. И шинелька ваша еще ни о чем не говорит – может, решили замаскироваться, или вас разжаловали за то, что вы какого-нибудь генеральского адъютанта по морде двинули. Вон, как сейчас.

И впрямь наши соседи-офицеры от споров перешли к рукопашной, сцепившись друг с другом с такой яростью, словно бились не со своими соратниками, а с красными. Вот тыловик опрокинул фронтовика одним ударом, а два окопника уронили на пол штабного и теперь с наслаждением пинают ногами, вымещая давнюю неприязнь.

Вмешиваться в драку я не собирался, а уж разнимать – тем более. Полезешь, можно огрести, что от одной, что от другой стороны. Тыловики и фронтовики – это как муж с женой. Противоположности, а друг без друга не обойтись. А уж коли случится семейная ссора, переходящая в потасовку, лучше не лезть, нехай сами разбираются.

Наша охрана какое-то время бездействовала, позволяя офицерам выпустить пар, но потом открылась дверь и в нее заглянул человек с винтовкой.

– Эй, золотопогонники, мать вашу так! Опять драку затеяли? А ну…

Раздался выстрел, с потолка посыпалась побелка, арестанты притихли и, бросив свое увлекательное занятие, начали разбредаться.

– Вторые сутки сижу, а эти раза по три-четыре на дню дерутся, – пожаловался чиновник. – Не могут решить, кто в поражении виноват. Фронтовики говорят – генералы сволочи, предали и сбежали, а штабные – мол, надобно было тверже стоять на своих позициях и солдатиков в ежовых рукавицах держать, а то те распустились и с фронта драпанули.

– А вы сами как считаете? – поинтересовался я.

– А что я? – пожал плечами чиновник. – Я человек маленький. На фронт не попал, вот, видите, – показал он мне левую руку, на которой не хватало двух пальцев. – Но если вам интересно мое мнение, я так скажу – идеи у нас не было, потому и проиграли.

– Идеи? – не понял я.

– Идеи, – кивнул чиновник, потом уточнил. – Только идеи не простой, а с большой буквы. Вначале, когда большевиков прогнали, что было? Радости полные штаны, вот, узурпаторов выгнали, теперь заживем. Свою собственную республику построим, Антанта нам поможет, все будем счастливы. Антанта в Архангельск приехала, начала с большевиками воевать, дескать, наймиты немецкие, ату их! И наши, кто Великую войну прошел, с большевиками сражались, потому как обижены – мол, из-за коммунистов недовоевали, союзников предали, родную землю германцу сдали. А что потом? Германия капитулировала, англичане с аэропланов листовки над красными скидывали – дескать, хозяева ваши сдались, теперь и вы сдавайтесь. А большевики отчего-то сдаваться не пожелали, и плевать им с высокой колокольни, что немцы лапы кверху подняли. Вот здесь англичане с французами и задумались: а с кем мы воюем-то? С немцами-то еще ладно, но с русскими-то воевать не договаривались. Нам бы тогда тоже задуматься, а за что воюем? Допустим, против большевиков. Допустим, разгромим большевиков, а дальше-то что? У большевиков все четко, все по полочкам разложено, а у нас? Меньшевики одно говорят, эсеры другое, а где истина-то? Так-то, молодой человек.

– Вы сами-то кем были? Военным чиновником? – поинтересовался я.

– До февральской революции я главным криминалистом Архангельского управления полиции служил, – похвастался мой сосед. Представился: – Марков, титулярный советник. Вздохнул: – Если бы не февраль, глядишь, уже бы коллежским асессором сделался. И выслуга подходила, и должность соответствовала, требовалось только экзамен сдать, так это ерунда. А как уголовникам амнистию объявили, тюрьму почистили, мое бюро почти сразу и сгорело, вместе с асессорством.

– И сгорели, разумеется, альбомы с фотографиями преступников и дактилокарты? – догадался я.

– А вы умный юноша, – похвалил меня бывший криминалист. – Обычно говорят дактокарты.

– Стараюсь, – скромно потупил я глазки.

– Не поверите – даже сегодня не всех удается убедить в неповторимости папиллярных линий, – оживился мой собеседник. – Мол, гадаете, ровно цыганки.

– Но злоумышленники-то верят, – усмехнулся я. – Если бы не верили, не сгорели бы ваши архивы.

– Это точно, – вздохнул криминалист. – А как бюро сгорело, потом и полицию разогнали, пришлось мне в военное ведомство переходить в простые учетчики. Жить как-то надо. А я архив десять лет собирал! У меня всё расставлено по полочкам – здесь конокрады, тут мошенники, форточники, гастролеры. Я даже на мартышек фотоальбом завел и пальчики у них откатал.

– У мартышек? – удивился я, впервые услышав такой термин.

– Мартышками у нас мальчишек зовут, которые по баржам работают, – охотно пояснил Мартов. – Тащит, скажем, буксир баржу, а на нее мальчишки прыгают, курочат что поценнее – и в воду. Иной раз с лодки заскакивают или баграми цепляются, а добычу на лодку кидают. Опасное это занятие, погибнуть можно, но мальчишки же в смерть не верят, правильно?

Я кивнул, прикинув, что если удастся отсюда выйти, так неплохо бы этого титулярного советника пристроить к настоящему делу. Хороший криминалист – это находка. Он и уголовному розыску первый друг и помощник, и нам.

Мы уже решили укладываться спать, как раздался шум, дверь распахнулась и к нам едва ли не кубарем влетел… тот самый курносый красноармеец, арестовавший меня пару часов назад.

– Володя?! Аксенов?! – услышал я знакомые голоса, а потом увидел, что следом за курносым в помещение ворвались знакомые люди: комиссар Спешилов и Серафим Корсаков, а с ними незнакомый мужчина.

– Да тут я, тут, – ворчливо отозвался я, поднимаясь с пола. Кивнув своему соседу, сказал: – Вы уж тут посидите немного, разберемся, что к чему, найду вам работу по душе.

– Так вы и на самом деле чекист? – обомлел Марков.

Я не успел ничего ответить, как меня уже вытаскивали на волю, на свежий воздух.

– Товарищ Аксенов, примите мои извинения, – сухо произнес незнакомый мужчина, а потом догадался, что надо бы вначале представиться: – Конасов, начальник особого отдела сто пятьдесят четвертой дивизии. Готов понести наказание за действия своего подчиненного.

– Володька, ну ты скажи, есть же такие идиоты на свете?! – возмущался Спешилов. – Человеку поручили тебя отыскать, а он взял и под арест запихнул.

– Подождите, товарищ комиссар, дайте все объяснить, – сдержанно произнес главный особист дивизии.

– То есть мое задержание произошло по ошибке? – решил я выяснить главное.

– Так точно, – по-военному доложил Конасов. – Товарищ Кругликов, начальник особого отдела армии, прислал телефонограмму: выяснить, где находится особоуполномоченный

ВЧК товарищ Аксенов, выполнявший особое задание в тылу врага, и доложить ему в течение дня. Я обратился в губернский исполнительный комитет, к товарищу Попову, выяснил адрес и дал приказ своему комвзвода Семенову уточнить ваше месторасположение и, по возможности, доставить ко мне.

– Володя, ты представляешь! – вмешался в разговор комиссар Спешилов. – Серафим прибегает весь перекошенный – вы что, совсем с ума посходили, Вовку Аксенова арестовали? Мол, щас всем ледоколом выручать придем.

– Да не так было! – возмутился Корсаков.

– Парни увидели, как Володьку ведут, сразу ко мне метнулись – мол, иди выясняй, за что арестовали, иначе сразу в Кронштадт радиограмму дадим и товарищу Троцкому, и Дзержинскому.

– Как Серафим явился, тут и от комиссара дивизии порученец бежит – мол, губернский комитет партии узнал об аресте своего товарища по подполью, собирается выяснять подробности в политотделе армии, а если внятно не объяснят, то обратятся в ЦК. Товарищ Спешилов, выясните, что здесь за самодеятельность? Если еще из РВС шестой армии позвонят, хреново будет, а про ЦК вообще молчу!

– Еще и Артузов побежит у Дзержинского выяснять – что за дела такие, Феликс Эдмундович, почему мне неизвестно? – повеселел я, представляя картинку.

М-да, дела. Если честно, даже приятно, что не забыли, не бросили.

Выдержка слегка изменила особисту, и он дрогнувшим голосом сказал:

– Не хочу перекладывать ответственность на своего подчиненного, но я не отдавал приказа арестовывать особоуполномоченного ВЧК. Семенову был отдан приказ отыскать, а он что делает? Арестовывает, под замок сажает, приходит и докладывает с довольной рожей – дескать, ваше приказание выполнил самолично, Аксенова отыскал. Спрашиваю – а где Аксенов-то? А Семенов – там, где положено, под арестом. Спрашиваю – а кто тебе команду арестовывать дал, а он мне – так вы и дали.

Дело ведь можно представить и так: особый отдел дивизии без санкции руководства арестовал особоуполномоченного ВЧК, члена коммунистической партии большевиков, имевшего задание от РВС. Здесь полетит голова не только у дивизионного особиста, но и у армейского, а Кругликов мне понравился еще с нашей первой встречи.

Мне стало немного жаль Конасова, но отвечать-то придется ему. И поделом.

– А здесь у вас что за тюрьма такая? – поинтересовался я.

– Сам только сегодня узнал, – признался Конасов. – Тоже самодеятельность комвзвода.

Ну ни хрена себе! Вот это, пожалуй, похуже ареста особоуполномоченного ВЧК. Мое задержание можно списать на случайность и, скажем так, на «эксцесс исполнителя». Но то, что под носом у главного особиста его подчиненный устроил собственную тюрьму – никуда не годится.

– Товарищ Конасов, я вынужден доложить об этом командованию дивизии и в политотдел армии, – сухо сказал комиссар бригады.

– Ладно, товарищи, – вмешался я. – Давайте сначала разберемся, что за тюрьма такая несанкционированная и кто в ней сидит. – Обернувшись к часовому, позвал его: – Товарищ красноармеец, кто отдал вам приказ охранять здание?

– Товарищ Семенов отдал, наш командир взвода, – доложил боец и пожаловался: – Мы здеся по десять часов стоим, а положено не больше двух.

– Где остальные бойцы? – спросил я.

– Как где? В казарме, – пожал плечами караульный.

– Бегом в казарму, всех сюда зови, – приказал я. – Скажешь, товарищ Конасов приказал.

– Слушаюсь, – кивнул часовой, сделал шаг, а потом остановился и спросил: – А как же товарищ Семенов? Он меня с караула должен снять.

– Бегом исполнять! – заорал Конасов, и красноармеец побежал.

В общем, бардак полный. Командир взвода берет на себя роль как минимум начальника особого отдела дивизии или губчека, подчиняет себе личный состав, устанавливает караулы. И часовой, насколько я помню, не должен срываться с места, не получив команды начкара или разводящего.

– Владимир, что собираешься делать? – спросил комиссар, признавая мое старшинство.

– Бойцов дождемся, устроим минифильтрацию, – пояснил я. – Конасов, тебе тюрьма лишняя нужна или нет? Правильно, на фиг не нужна, заключенных кормить придется. Но если мы сейчас просто так всех выпустим, без допроса, тоже неправильно. Семенов, как ни крути, командир взвода и боец Красной армии. Взвод при особом отделе состоит или от дивизии придан?

– От дивизии, – кивнул особист. – Мне еще штатное расписание не пришло, во всем отделе два человека.

Эх, а ведь это для особиста возможность выкрутиться. Мол, красноармейцы люди неопытные, виноват, не уследил. Может, арестовать его, паразита? Не знаю только, имею я на это право или нет? Армейского или фронтового особиста – точно не имею, это уже уровень самого Дзержинского либо его замов, а дивизионного? В принципе, могу и арестовать, а Спешилов поддержит со стороны политуправления дивизии. Впрочем, не буду. Конасов сотрудник особого отдела шестой армии, вот пусть Кругликов и решает, что делать со своим подчиненным – ограничиться выговором или расстрелять. Виноват, отдать под ревтрибунал. К тому же, как ни крути, речь идет о чистоте мундира. По идее, что должен сделать особоуполномоченный ВЧК, чтобы его коллега, а значит, и карающие органы, не потеряли лицо? Ну, для начала расстрелять всех задержанных. Сорок человек для взвода… где-то в три-четыре приема изладят. Впрочем, если взвод полного штата. А может, затянется на шесть, а то и на восемь приемов. Семенова тоже можно расстрелять за превышение полномочий, а сам взвод расформировать, и всё будет шито-крыто.

Но я этого делать не стану, и другим не позволю. Значит, сейчас всех быстренько допросить, и нехай домой чешут по холодку. И взять адрес титулярного советника, может, и пригодится. Если он Архангельску не нужнее, заберу в Москву, только с Артузовым согласую.

Кстати, Семенова в камере еще не убили?

Глава третья. Новое назначение

А ведь я мог взять и просто уйти спать, так нет, опять отыскал на свою голову и прочие части тела лишнюю работу. Разве должен особоуполномоченный ВЧК, особа, так сказать, приближенная к самой верхушке руководства страны, лично проводить допрос такой мелкой сошки, как командир взвода? И не мои это обязанности, елки-палки! Мне нужна птица поздоровее, тетерев, а не ворона, так нет же, впрягся. А коли впрягся, деваться некуда.

Быстренько всех допросить, а потом разогнать по домам, не получилось. Когда вытащили из помещения мобилизационного пункта слегка помятого и оплеванного Семенова и отыскали местечко, где его можно допросить, из него полились признания, как вода из дырявого ведра. Ничего не скрывал, не отрицал, упирал на честность и пролетарское происхождение. Мол, сын пастуха, в армию добровольцем ушел, кается, просит простить.

А началось всё с того, что командир взвода Семенов из самых лучших побуждений решил помочь своему непосредственному начальнику. Дескать, начальник особого отдела дивизии человек занятой и во всякие мелочи ему вникать недосуг. Спрашивается – зачем каждый раз докладывать товарищу Конасову об очередной партии офицеров или чиновников, которых сдают бывшие подчиненные? Выписать им расписку, определить под арест в подходящее помещение, и все дела. Помещение нашлось быстро – один из бойцов взвода, перебежчик из белой армии, сам из него призывался, а дальше пошло-поехало. Ну а то, что из карманов офицеров в солдатские вещмешки сами собой «перекочевали» деньги, золотые и серебряные часы, портсигары и всё прочее, представляющее интерес, так это их справедливая добыча. Правда, сапоги и шинели с пленников пока не стали снимать, решив дождаться, когда начнутся расстрелы. И расстрелы Семенов планировал проводить сам, чтобы не отвлекать начальство, вот только место подходящее пока не нашел. А самое интересное, у бывшего командира взвода всё бы могло получиться, если бы не прокол со мной.

Комиссару Спешилову пришлось самому сбегать в расположение бригады и привести сюда пару надежных взводов, чтобы разоружить и арестовать всех красноармейцев, приданных особому отделу, а особисту пришлось отправиться на обыск в казарму.

Корсаков оказался не у дел, но пообещал, что коли понадобится прижигать язву капитализма, то он, как товарищ Троцкий, явится к нам с отрядом флотских, а пока пойдет на «Таймыр» сообщить, что с Аксеновым всё в порядке.

К счастью, «Мобилизаціонный пунктъ» имел несколько комнат. В одну – точную копию той, где сидели белогвардейцы, мы и определили бывших красноармейцев, а в еще одной я устроил допросную. Тут еще были какие-то комнаты, кабинеты, но смотреть их не пошел. Я же не собираюсь здесь задерживаться, правильно?

А вот двухведерный титан, обнаружившийся в одном из закутков, мне понравился, и я озадачил красноармейцев натаскать воды и вскипятить. И мне полезно, и заключенным не вредно.

Убедившись, что все при деле, решил еще разочек допросить командира взвода, теперь уже бывшего. Человек я отходчивый, но штыков, упиравшихся в спину, не забыл, равно как и хамства в отношении Галины. И как-то мне не верилось, что Семенов решил проявить инициативу из лучших побуждений. Никак не могу поверить, что он пастух и сын пастуха.

– Слушай, а отчего ты меня в контрики решил записать? – спросил я. – И не свисти, что неправильно начальника понял.

– Вот ей-богу, решил, что товарищ Конасов тебя, то есть вас, арестовать хочет, – начал креститься бывший командир взвода. – А мне что, я человек маленький. Приказано доставить, я и доставил. Ну, ошибся малость, с кем не бывает?

Я же у вас извинения попросил, что еще?

Странно, может быть, и на самом деле не врет? Если у парня в психике уже произошла некая трансформация и он считает, что каждого, кого поручено лишь пригласить, требуется непременно арестовать, а потом расстрелять? Ладно здесь простой Ванька-взводный, а будь это человек повлиятельнее, вроде начальника особого отдела дивизии или комиссара Спешилова? Да такой половину Архангельска в тюрьму посадит, а вторую половину перестреляет. Нет, всё равно что-то не сходится. Не верю.

– Семенов, а ты почему меня не стал обыскивать? – поинтересовался я.

– А чего тут обыскивать-то? – хохотнул бывший командир взвода. – Шинелка у тебя солдатская, шапка худая, чё с тебя взять-то?

– Вот это, например, – вытащил я из кармана шинели «дамский» пистолет.

– Ух ты, хорошая машинка, – с одобрением сказал Семенов. – И дорогая, наверное. Ничё, в следующий раз умнее буду. Увижу такого, как ты, в грязной шинелке, обыщу, не побрезгую.

Похоже, до этого парня не доходят самые простые вещи, или он просто валяет ваньку.

– Слушай, Семенов, а ты так ничего и не понял? Не будет у тебя уже следующего раза.

– Да всё я понял, – вздохнул бывший командир взвода. – От командирства отстранят, а по новой в начальники выбиваться – ой как сложно. А пока до комвзвода не дойду, только объедки достанутся, а все сливки командиры снимают.

Так-так, уже интересно.

– И кто еще сливки снимает, не подскажешь? – поинтересовался я.

– Не, не подскажу, – усмехнулся Семенов. – Ты, товарищ особоуполномоченный, как я понимаю, начальник большой, если самого особиста и комиссара бригады в разгон послал, но мне еще здесь жить.

– А ты уверен, что тебе долго жить осталось? – ласково поинтересовался я. – Тебе же, родной ты мой мародер, трижды расстрел положен.

– Э, погодите, товарищ уполномоченный, – заволновался Семенов. – Ну ладно, я виноват, что товарища из Москвы арестовал, а не к начальнику отвел, так разве за это расстреливают? Или ты шибко огорчился, что бабу твою обидели? Так на хрена тебе старуха сдалась? Была бы она помоложе, так еще ладно. Хочешь, я тебе прямо сегодня любую бабу найду? Молодую да гладкую…

От оплеухи Семенов слетел со стула. Не дело, конечно же, подследственных бить, но не выдержал.

– Жалобу в ВЧК можешь на меня написать самому товарищу Дзержинскому, – предложил я. – Бумажку дать?

– Не надо, – огрызнулся Семенов. – Ты этой бумажкой подотрись, начальничек.

О, наконец-то! А я-то ломал голову, как мне заставить его перестать валять деревенского дурачка. Великая вещь оплеуха. Именно не удар кулака, а чтобы было и больно, и обидно. Помнится, Антон Семенович Макаренко добился уважения у своих подопечных после оплеухи, отвешенной одному из балбесов. Стало быть, вся советская педагогика началась с простой затрещины. Сквозило у меня смутное подозрение, что у командира взвода уголовное прошлое, теперь же я был в этом уверен на все сто процентов.

– Вижу, ты до призыва разгонщиком[1] был? – поинтересовался я.

– Ишь, умный какой, раскоцал, – покачал головой Семенов. – А как догадался?

– Так чего тут догадываться? – пожал я плечами. – Под деревенского дурачка косишь, а сложные слова выговариваешь, вроде – «особоуполномоченный», да и манеры блатные не скроешь. Ты в Красную армию добровольцем пошел, чтобы лохов брить? Колись, детинушка, упираться уже нет смысла.

[1] Разгонщик – мошенник, изымающий ценности под видом сотрудника правоохранительных органов.

– Ага, держи карман шире, – осклабился уголовник. – Мне в армию впадлу идти. Силком затащили, думал, пару дней покантуюсь, сбегу. А нас на север отправили, и бежать-то отсюда некуда, леса кругом, будто не в армию попал, а дальнячок срубил[2]. Кого тут на разгон брать? Нищета одна. Вон, до революции-то лафа была, а как война началась, вообще малина. Сколько мы спекулянтов да барыг обнесли, ой-мэй! Да на одной водке рыжья варили, в тузах ходили. Приходишь к такому гладкому в полицейской форме и говоришь – мол, сухой закон нарушаете, господин хороший. Хочешь спокойно жить – делись. Так он тебе столько «катенек» отслюнявит, живи да радуйся. А теперь что? Революция, мать её ети! Все богатеи не то сдриснули, не то по застенкам сидят.

Эх, парень, тебе бы самую чуточку подождать, до нэпа. Ленька Пантелеев да Иван Николаев тоже под чекистов «косили», когда совбуров грабили. Кончили, правда, плохо, но это уже другой вопрос.

– А как в Архангельск пришли, мой взвод в подчинение особисту дали – вот, думаю, можно и развернуться. Конасов же дурак, дальше своего носа не видит, даже с бойцами познакомиться не соизволил, вот раздолье-то где. А коли у тебя парни верные, делом повязанные, можно такого наворотить, а потом за бугор свалить, если рыжья надыбать.

– А я здесь каким боком?

– Да таким, – хохотнул вор, уже не таясь. – Особист мой, когда про тебя говорить стал, буркнул – вот ведь принесло на мою голову соглядатая московского. Я кое-кого поспрашивал, говорят – Аксенов мужик честный, справедливый. Я и подумал: если он честный да справедливый, к чему такой? И товарищу Конасову помогу, и мне головной боли меньше. Я же чего хотел? Хотел тебя при попытке к бегству устосать, парням сказал, чтобы по моему сигналу валили, только народу на улице много, не рискнул. И ты, молодец, дергаться не стал.

– У тебя в подручных весь взвод ходил или как?

– Э, начальничек, так мы не договаривались, – протянул Семенов. – Я своих друганов не закладываю, пусть они даже не деловые, а так, сявки. И смысла мне нет вкладывать. Я что, за это послабление получу?

– То есть можно весь взвод к стенке ставить? – уточнил я.

– А по мне так хоть всю дивизию к стенке ставь. Хоть раком её ставь, хоть к стенке. Меня же ты к стенке поставишь, да?

– Поставлю, – не стал я кривить душой.

– Меня поставят, так хрен ли о ком-то жалеть? – хмыкнул уголовник.

– Ну и ладно, – махнул я рукой. – Весь взвод, так весь взвод, мне уголовников не жаль. И цацки, которые ты у офицеров взял, хозяевам верну.

– Цацки-то им на хрена возвращать? – огорчился уголовник. – Меня, ладно, шлепнешь, а цацки-то? Тебе не нужны, оставишь кому-нибудь. Офицериков всё равно к стенке поставят, зачем им побрякушки?

– Если поставят, так вместе с цацками и закопают. А с мертвых снимать какой проворный начнет – руки поотрываю. Понял, что краденое добро счастья не принесет?

Уголовник глумливо развел руками.

– Ты, начальничек, про сокола с вороном сказку знаешь?

– А ты себя соколом мнишь? – поинтересовался я. – Дескать, лучше глоток свежей крови, чем мертвечина? Ты, гражданин Семенов, а ты точно Семенов? Впрочем, мне без разницы, под какой фамилией тебя расстреливать. А кем себя мнишь – соколом или петухом щипаным, мне без разницы.

– Начальник, ты лишнее-то не базарь, – с угрозой произнес уголовник. – За слова-то отвечать придется.

---

[2] Т. е. отбывал наказание на севере.

– Перед тобой, что ли? – усмехнулся я. Подумав, махнул рукой: – Ладно, хочешь себя соколом считать, считай. Скажи-ка лучше, что ты с офицерами хотел сделать? Расстрелять, чтобы сапогами разжиться? Не маловато будет?

– Умный ты больно, – покачал головой бандит. – Догадаешься с трех раз?

– А что тут догадываться? Старо как мир. Стал бы ты за офицеров с их семей выкуп требовать, а жены да матери за своих мужчин последнее тебе принесут. Так?

– Так. И бирюльки последние принесут, и сами перед тобой ноги раздвинут.

Дальше разговаривать с уголовником я не видел смысла. Он даже не больной, а сама болезнь, и от этой болезни есть только одно лекарство – пуля.

Пока беседовал с Семеновым, прибыл комиссар, а с ним еще и целая подвода с хлебом. Есть заключенные, их теперь надо кормить. Да я и сам от куска хлеба не отказался бы. Но вначале надо покормить задержанных. Не спросил Семенова – кормил он людей или нет, но скорее всего, нет.

Титан уже благополучно пыхтел, обдавая паром, а красноармейцы наливали кипяток в котелки и разносили по камерам.

– Володь, а ты чего к телефону не подходишь? – поинтересовался Виктор. – Звонок не слышишь?

А мне и впрямь показалось, что где-то что-то трезвонило, но решил, что слышу шум трамвая.

– А здесь телефон есть? – удивился я.

– Конечно. Это же мобилизационный пункт, он в кабинете начальника установлен.

Ну вот, разведчик называется. Не удосужился проверить.

– Правда, я и сам недавно узнал, – засмеялся Спешилов. – Когда хлеб в горисполкоме выбивать ходил, спрашивают – не видал ли Аксенова? Знают уже, что мы с тобой с Мудьюга вместе бежали. Я и говорю – мол, его по ошибке арестовали, выручать ходил, а теперь он в мобилизационном пункте с задержанными порядок наводит. Попов, председатель, звонить кинулся, а ты трубку не взял. Новость для тебя есть.

– Вить, давай перекусим сначала, – взмолился я. – Я же целый день ничего не ел, живот подвело, уже ничего не соображаю.

– День… Да ты уже сутки не ел, – хмыкнул комиссар. – Тебя вчера утром задержали, а нынче уже новый день пошел.

– Сутки?

А ведь и точно. Весь вечер и всю ночь допрашивали, проверяли. То-то я думаю, отчего есть хочется?

Мы с комиссаром отправились в кабинет начальника. Правда, тот оказался заперт. Я уже стал обдумывать – как ломать дверь, а Виктор просто провел ладонью по косяку и с удовлетворением обнаружил наверху ключ.

– Так обычное дело, – пояснил комиссар. – Я сам иной раз ключ сверху кладу, чтобы не потерять.

– Охренел ты, товарищ комиссар. А как же режим секретности? Тебя особисты еще за задницу не брали за такие дела? – хмуро поинтересовался я.

– Володь, а что у меня может быть секретного? Оперативные карты у начальника штаба, секретные приказы – у командира бригады. Думаешь, шпионам нужна наглядная агитация или газета «Правда»?

– Витя, чтобы я больше о таком не слышал, – возмутился я. – Дело даже не в секретах, а в тебе. Найдется какой-нибудь дуралей вроде Конасова, пришьет тебе отсутствие бдительности, и придется тебе долго потом с ушей пыль стряхивать. И пример опять-таки дурной подаешь.

– Вовка, не будь занудой! – жизнерадостно хлопнул меня по спине комиссар.

Мы с Витькой отыскали в кабинете стаканы в подстаканниках, сходили за кипятком и совершенно счастливые уселись за стол, где и на самом деле стоял телефонный аппарат.

Телефон – это хорошо. Вообще мне понравился этот мобилизационный пункт. Сделано всё с толком, есть помещения разного размера и функционала. Не удивлюсь, если здесь и комната для задержанных отыщется. Будь я начальником Архангельской губчека занял бы это здание. Большие комнаты можно переделать под кабинеты или пока так оставить. Будут еще задержанные, будут.

– А хочешь главную новость услышать? – жизнерадостно поинтересовался комиссар.

Мне уже не хотелось слышать никаких новостей. Сейчас бы домой, да спать. И Галинка наверняка беспокоится обо мне.

– Какую?

– Звони на коммутатор, проси, чтобы соединили с председателем губисполкома, сам и узнаешь, – предложил Спешилов. – Сейчас, подожди, телефон Попова вспомню.

Виктор нахмурился, припоминая, кивнул:

– Значит так, телефон товарища Попова тридцать два-четырнадцать.

Ух ты! Всегда завидовал людям, способным запоминать номера телефонов с первого раза. Мне же приходилось раскладывать номера на исторические даты, так проще. Значит, тридцать два, начало Смоленской войны, а четырнадцать, тут уж понятно.

– Алло? Барышня, мне тридцать два-четырнадцать. Скажите – «Аксенов».

Через полминуты в трубке послышался голос Михаила Артемовича, руководителя подполья. Теперь уже бывшего.

– Владимир Иванович? К нам из Москвы телеграмма. Слушаете? Сейчас прочитаю. Так… Назначить товарища Аксенова Владимира Ивановича уполномоченным ВЧК по Архангельской губернии на правах начальника губчека. Дзержинский. – Я начал что-то блеять, но Михаил Артемович продолжил: – Подожди, Владимир Иванович, не всё. Еще одна телеграмма. Читаю: «Назначить товарища Аксенова Владимира Ивановича председателем правительственной комиссии по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на Севере. Подпись: предсовнаркома Ленин». Так что поздравляю тебя, а завтра жду на совещании. Думай, как работу станешь налаживать.

Я положил телефонную трубку и с тоской посмотрел на комиссара.

– Вить, а тебе в бригаду рядовые бойцы не нужны? – с грустью спросил я. – Берданку мне дадите, патронов штук сорок, мне и хватит.

– Давай, товарищ председатель губчека, трудись! – гнусно заржал Спешилов. – С берданкой бегать и без тебя люди найдутся, а ты руководи.

– Гад ты, Витюха! А еще другом прикидываешься.

Спешилов заржал еще гнуснее.

– Ага, гад. Зато и ты поймешь, каково это в шкуре начальника ходить. Да не переживай ты так, – продолжал комиссар издеваться. – Не справишься – снимут, может, даже и не расстреляют. А не расстреляют, возьму тебя простым бойцом.

Глава четвертая. Подвести под монастырь

Правильно сказал товарищ Сталин о кадрах, которые решают всё. И мне в первую очередь пришлось думать о структуре губчека и о людях, которые станут занимать должности. Структуру, не мудрствуя лукаво, я взял прежнюю, знакомую еще по Череповцу: отдел по борьбе с контрреволюцией, отдел по борьбе со спекуляцией. Подумав, добавил сюда отдел учета и сектор криминалистики. Отдел учета получался самым многочисленным, потому что он станет заниматься фильтрацией пленных и задержанных. Но назвать отдел «фильтрационным» не очень-то презентабельно.

Чтобы обеспечить отделы начальниками и оперативными сотрудниками, пришлось «трясти» губернский исполнительный комитет, у которого людей и так не хватало. Погрустили, постонали, но начальников и замов мне дали, а оперативников пришлось брать из бригады товарища Терентьева. Как будут работать – покажет время и обстановка. Единственный руководитель, «приобретенный» мной лично – начальник сектора криминалистики Николай Иванович Марков. А то, что он титулярный советник – ничего страшного. Вон, командарм шестой армии товарищ Самойло вообще бывший генерал, и ничего. Зачем мне криминалист, я пока не знал, но то, что в будущем он понадобится – это точно. Еще для сектора нужны фотографы, не меньше двух. Их я собирался задействовать, когда станем работать с наиболее важными задержанными. Они же пригодятся, когда начнем фиксировать результаты «деятельности» союзников. Фотография – очень важный документ, особенно пока не изобрели фотошоп. Пусть пока товарищ Марков старается, связи свои трясет, фотографов вербует, аппаратуру собирает, реактивы, а заодно пусть поищет хоть какие-то остатки своих архивов. Так не бывает, чтобы исчезло всё. Еще ему поручено отыскать уцелевших сотрудников жандармерии, сыскной полиции, военной контрразведки (которая царская) и приглашать на работу в ЧК. Откажутся – не обижусь, согласятся – возьму и к делу приставлю. Это в рабоче-крестьянскую милицию запрещено принимать сотрудников царской охранки и прочих спецслужб, а про ЧК ничего не сказано. Далее мне понадобятся интенданты, снабженцы. При тех масштабах, которые вырисовываются, придется заниматься хозяйственной деятельностью – помещения, дрова, керосин, а самое главное – продукты. И личный состав надо кормить-поить, и задержанных. Я сам при всем желании повсюду не успею, да и опыта снабженца у меня нет. Значит, пишем в штатное расписание хозяйственную часть в составе хотя бы двух-трех человек. Потом, разумеется, она разрастется, но пока пусть такая. С другой стороны… какие два-три? А возчики? А кладовщики? Берем десять.

Потомки обязательно скажут, что Аксенов Владимир Иванович – палач Архангельска с руками по локоть в крови, создатель концентрационных лагерей и все такое прочее. А может быть, в этом мире не будет Перестройки и той грязной пены, вылившейся на могилы создателей нашего государства? А если будет… что ж, мне уже всё равно. Позднее скажут, что у нас ничего не получилось, что мы так и не сумели построить справедливое государство, вернувшись к капитализму. Что я могу сказать? Сказать, что мы в этом не виноваты, вся вина лежит на наших потомках? Нет, не скажу. Но, знаете, мы, по крайней мере, пытались сделать этот мир лучше и чище.

Виноват, это только лирическое отступление, а мне теперь работать, как не снилось никакому папе Карло.

Первое, что необходимо сделать – в самые кратчайшие сроки «разгрузить» город Архангельск, убрав из него всех пленных солдат и офицеров, задержанных чиновников правительственных учреждений, предпринимателей, активно сотрудничавших с Белым правительством. Спросите – для чего? Да всё просто. По самым скромным подсчетам, после освобождения Архангельска в плен сдалось около пяти-шести тысяч белогвардейцев. Сейчас их у нас около

двух тысяч, остальные где-то в пути, но скоро подтянутся. Точнее – их сюда приведут. И что дальше? Взять и просто распустить их всех по домам? Нет, извините. Для начала нужно проверить – чем ты занимался, будучи во враждебной армии, насколько виноват перед Советской республикой. Одно дело, если ты простой солдат или офицер не выше ротного, совсем другое, если ты был у белых командиром полка и выше. А если имел отношение к контрразведке или разведке? Понимаю, что без них не обойдется ни одна армия мира, но другая армия тоже проявляет к ним интерес. Вот я лично как сотрудник особого отдела очень желаю знать и про белую агентурную сеть в шестой армии, и её «выходы» выше, на Москву, и всё прочее. Проверим, отпустим. Ну, или придется расстрелять, как пойдет.

Итак, если в отдельно взятом городе у вас имеется пять-шесть тысяч военнопленных, а тюрьма вмещает от силы тысячу-полторы, придется отыскивать для содержаний арестантов подходящие помещения, приставлять охрану, и всё прочее. Реально же это будет выглядеть так: мы займем рабочие клубы, кинотеатры (их целых два на Архангельск), учебные заведения. Сами понимаете, что для содержания узников они не приспособлены. Значит, арестанты смогут шастать туда-сюда, провоцировать драки, общаться с населением, совершать правонарушения и прочее. А это в ближайшие месяц-два совершенно излишнее. И охраны понадобится больше, а это тоже плохо.

Я не уверен, что Советская власть прямо сейчас сумеет обеспечить всех содержащихся под стражей полноценным пайком. Мне обещали, что полфунта хлеба выделят каждому, но что такое двести с небольшим грамм для здорового мужика? А где взять больше, если рабочие получают по триста грамм, а служащие по двести пятьдесят? И ждать, что в ближайшие месяцы что-то улучшится, не стоит. Голодные бунты заключенных нам обеспечены. Кому нужен бунт в черте города? Правильно, никому. А ведь его подавлять придется и, не исключено, что с кровью. Да, придется, а что делать?

Большинство военных – жители самого Архангельска, либо губернии. Стало быть, ко всем зданиям станут приходить родственники, чтобы повидать родных и любимых, понесут передачки. Дело похвальное, разумеется, но это дополнительные проблемы и беспорядки. А есть и еще один момент, о котором пока мало кто догадывается, но он проявится. В тесных помещениях, где находится много людей, непременно найдется хотя бы один заболевший. Из мест заключения болезнь перекинется на Архангельск, и всё: город потеряет не меньше четверти населения. А с врачами у нас не густо. Так. Задача номер один: отыскать среди пленных и прочих задержанных – врачей, фельдшеров, акушеров, а также медбратьев.

Итак, уже вырисовывается некая картинка. Освобождаем архангельскую тюрьму, которая станет для нас главным резервом и куда станем помещать либо самых опасных, самых важных, либо, напротив, безобидных задержанных. И еще бывшего комвзвода Семенова туда определю. Пока некогда с ним возиться, но мне очень интересно узнать – что за командиры такие, что сливки снимают? Расскажет, никуда не денется. Стало быть, первыми туда отправляются врачи и прочие медицинские работники. Туда же определим кадровых офицеров. Не думаю, что их осталось много, человек сто, не больше. С этими тоже разбираться в первую очередь. Офицеры военного времени, «химические» офицеры, отставники, прапорщики из «вольноперов» пока подождут.

Стоп. А на фига мне самому разбираться с кадровыми офицерами? Нехай этим занимается товарищ Конасов. Допрашивает, фильтрует, а потом отправляет кого куда – кого под расстрел, а кого в Красную армию. Военспецы товарищу Троцкому позарез нужны. Скоро предстоит поход в Польшу, а там еще барона Врангеля бить, дел хватит. Стало быть, профессионалы понадобятся.

Хотя Конасову я бы и подводу с покойниками не доверил, профукает. Придется самим работать. Но всё равно, кадровых офицеров придется держать в Архангельске. Сюда же, в

тюрьму, определим членов правительства, генералов, потенциальных разведчиков и контрразведчиков. Так, кого еще оставляем?

Расстрелять, разумеется, самое простое, только это не по-хозяйски. Разбазарим все кадры, а нам еще социализм строить. А с кем строить-то? Романтиков у нас предостаточно, но нам технари понадобятся, учителя. Хм. Технари и учителя. Значит, учителей можно прямо сейчас отправлять по домам, взяв с них подписки и обязательство встать на учет в волостной военный комиссариат. Их вроде бы уже должны восстановить. Нехай детей учат. Инженеры и мастера скоро понадобятся и на судоремонтных заводах, и в порту. Архангельск – морской порт, а после интервентов флот поредел, придется восстанавливать. Не говорю, что прямо сейчас, но через год или два придется. Значит, этих тоже пока оставим в Архангельске. Пусть горисполком свяжется с портовиками, определят, какие специалисты им потребуются в первую очередь. А заодно пусть порт определяет масштаб ущерба от интервентов: какие суда угнаны в Англию, какие по милости союзников погибли. Кстати, куда запишем «Вайгач», отправленный Вилькицким с караваном судов к Колчаку за зерном? Серафим Корсаков говорил, что корабль наскочил на скалу и погиб. Пожалуй, «Вайгач» тоже можно приплюсовать к потерям от интервентов и белых. А еще впишем сюда паровые котлы, предназначавшиеся для лесопильных заводов Сибири. Их, правда, наши сами матросы выкинули за борт, потому что в Сибири за ними никто не явился, но виноваты-то всё равно белые.

И еще с «Кузьмой Мининым», подорванным не без моего участия, что-то надо решать. Если он затонул в Северной Двине, так можно и вытащить, пригодится. А ежели дотянул до Белого моря и уже там ушел на дно, запишем на происки интервентов.

И вот опять мысли возвращаются к тюрьме. А ведь и там можно отыскать ценные кадры. Начальник тюрьмы нехай остается прежний. Потом проверим. Если заворовался, обирает заключенных, то расстреляем. Если нет, пусть сидит. В принципе, человек при своем деле, а тюрьма нужна при любом режиме. Не может такого быть, чтобы там не было собственной хозяйственной части. Уточню, а тюремного интенданта или замначальника по АХЧ (да и шут с ней, с его должностью, мне важна сущность) заберу к себе и сделаю помощником по хозяйственной части. Опыт снабжения заключенных у него должен быть, пусть работает, а со временем подготовим собственные кадры.

Теперь самое главное. А куда я дену всех остальных, которых останется не меньше трех тысяч?

А что делали наши предки, пока не было тюрем? Правильно, отправляли злодеев и прочих в монастырь, на покаяние и для изоляции. Не зря же выражение «подвести под монастырь», которое часто употребляют, но мало кто задумывается о его значении, сегодня бы звучало как «подвести под тюрьму». Есть у нас Соловецкий монастырь, есть Холмогорский. Пожалуй, пока и хватит. И находятся оба пусть и недалеко, но на отшибе – и охранять не трудно, и сбежать проблематично. Тем более что капитан Чаплин, которому не давали покоя лавры адмирала, однажды свергнул Северное правительство и даже отправил министров на Соловки. Правда, англичане потребовали вернуть всех обратно, что и было сделано, но какое-то время правительство посидело на нарах. Ничего, им даже полезно. Пожалуй, надо бы такое внедрить в будущем – берем высокопоставленных чиновников, отправляем в тюрьму недельки на две, потом возвращаем обратно. И чиновникам польза, и народу приятно.

А если члены правительства побывали в роли узников на Соловках, так почему бы там не разместить пленных солдат и офицеров? Стало быть, тысячу человек на Соловки, еще тысячу в Холмогоры. Ага. Значит, потребуется охрана, провизия и все прочее. С охраной проще – возьму у армейцев столько, сколько мне надо. Начальник дивизии повозмущается, но даст, куда он денется. Доблестная шестая армия воевать в ближайшее время ни с кем не будет, пусть несет другую службу, если у нас пока нет внутренних войск.

Стало быть, для начала отправлю на Соловки и в Холмогорский монастырь две партии арестантов, человек по пятьдесят с охраной. Пусть пока готовят монастыри к приему узников из расчета тысяча человек на обитель. Нары сооружают, иноков «уплотняют» и всё прочее. Топоры и пилы отыщут, или опять мне о том думать? И как мне обозвать эти лагеря? Концентрационными? Нет, не нравится. Ладно, оставим историческое названия – лагерь особого назначения. СЛОН и ХЛОН. Начальников подыщем из числа рабочих потолковее, вот пусть они головы и ломают – как обеспечивать пропитанием контингент, чтобы успеть, скажем, создать на Соловках хоть какой-нибудь запас еды до ледохода.

Значит, лагеря создали, народ в них пораспихали, вот тут и приступаем к «фильтрации». Для начала – подробные анкетные данные, чтобы знать – сколько у меня людей, какие профессии наличествуют, состояние. Ну а уже потом перекрестные допросы, сопоставления и всё прочее. Первыми начнем отпускать простых солдат, это да. Но… Может так получиться, что под видом простого солдата затаилась какая-нибудь «вражина»? Может.

Эх, а ведь фильтрация-то затянется. Ладно, если в два месяца уложимся, а если нет? Ну, если нет – значит, нет. Посидят лишний месяц, ничего страшного. Меня потом поругают, воспоминания напишут, как им тяжело было в чекистских подвалах. Ничё, если мемуары напишут, значит, живы остались. Главное, не пустить всё на самотек и не превратить Архангельск с окрестностями в большое кладбище, как это сделали мои коллеги в той истории.

Так, первое дело наметили, абрис нарисовали. Следующее по значимости – изъятие оружия у населения. Подозреваю, что если пройтись по домам городских обывателей, смогу вооружить целую дивизию. Думаю, боевых действий с белыми уже не предвидится, но, если говорить языком штампов, могут «иметь место отдельные вылазки контрреволюционных элементов». Вот и пусть контрреволюционные элементы вылезают наружу не с оружием, а без. Еще, как показывает исторический опыт, в период социальных катаклизмов увеличивается количество преступлений, а преступник с огнестрельным оружием гораздо опаснее, чем без оного.

Но ходить и обыскивать каждый дом – замучаешься. Потом, чуть-чуть погодя, пройдемся и по домам, обыщем и всё отыщем. Покамест стоит поискать только крупные «начки». Кто мне здесь сможет помочь? Само собой, мой эксперт-криминалист, служивший делопроизводителем в военном отделе. Что-нибудь да знает. Далее надо вытащить из тюрьмы героя войны, самоназванного начальника ополчения полковника Витукевича. Он и обстановку должен хорошо знать, и места хранения оружия. Не исключаю даже, что в его собственном доме до сих пор имеется арсенал. В принципе, одноногого кавалера стоило бы расстрелять, но мы этого делать не станем. Берданки у него отберем, отправим на склад и поставим охрану. И самостийные ополчения пресечем, это да. Пусть лучше начальник дивизии увеличит количество патрулей в городе. Красноармейцы, по крайней мере, подчиняются воинскому уставу.

Кажется, сумел наметить самые важные дела, это уже неплохо. Разумеется, что-то «нарисуется» дополнительно, о чем-то я не подумал, но главное сделано. Мне бы порадоваться минуток пять, но что-то мешало. А что именно? И тут до меня дошло, что нынешняя Архангельская губерния сейчас включает в себя и Кольский полуостров! Стало быть, в самое ближайшее время мне придется ломать голову еще над одной партией военнопленных и задержанных гражданских лиц. Ведь Мурманск, стопудово, начнет отправлять их сюда.

Еще Мурманская область, то есть нынешний уезд в составе Архангельской губернии – это еще и граница с Норвегией. И это тоже моя головная боль. Пока там обустроят заставы, запустят пограничные корабли, придется обходиться теми силами, которые есть. И нарушителей границы ловить, и браконьеров гонять.

А еще Кольский полуостров – это я уже знал (или знаю?) по моей прежней службе, один из богатейших полуостровов в мире! Насколько помню, там содержится около тысячи минералов – четверть от всех известных на нашей планете. Железо, никель, цирконий… Как говорится, список можно продолжить. Правда, об этом сегодня известно только мне, да немногим

геологам. Ферсман, как я помню, в двадцатом году откроет апатитовые месторождения. Апатиты – это Хибины, потом еще найдут медно-никелевое месторождение поблизости от Мончегорска.

Правда, Мончегорска еще нет, но он появится.

Жаль, что я неправильный «попаданец». Иначе «открыл» бы какое-нибудь месторождение и почивал на лаврах до конца своих дней. Нет уж, нет уж, пусть каждый занимается своим делом. Пусть Александр Евгеньевич Ферсман (кстати, он академик или еще нет?) организует свою экспедицию, открывает, что ему и положено, а мы, органы ВЧК, поможем ему с охраной и со всем остальным, включая соблюдение строгой секретности!

Глава пятая. Совещание личного состава

За последние три недели мне стало казаться, что вся моя жизнь – это сплошные заседания и совещания. Помимо своей основной работы я теперь участвую в заседаниях Архангельского губернского комитета РКП (б) как член комитета, в совещаниях губернского исполнительного комитета, приходится бывать и на заседаниях горкома и горисполкома, посещать рабочие коллективы. Бывают еще и экстренные совещания-заседания, вроде того, что требуется срочно спасать «Соловья Будимировича».

«Соловей Будимирович» – ледокол, вышедший еще в январе из Архангельска в Мурманск, но по дороге в Баренцевом море попавший в ледовый плен и отнесенный в Карское море. Его мог бы спасти «Кузьма Минин», но правительство Северной области запретило использовать ледокол, потому что на него у них имелись собственные виды. Теперь, чтобы спасти «Соловья» из ледового плена (там восемьдесят четыре человека экипажа и пассажиров), нужен ледокол типа «Святогора», а тот между тем уже угнан в Англию, и нужно обращаться к английскому правительству, а еще и в Норвегию, чтобы те помогли углем и провизией, а потом и участием ледокола в спасении «Будимировича».

Мне с некоторым трудом удалось убедить товарищей из губернского исполнительного комитета, что обращаться напрямую к правительствам Англии и Норвегии Архангельский губисполком не имеет права, что это прерогатива Совнаркома. Меня поначалу обозвали бюрократом и чинушей. Однако когда я пообещал, что в дискуссии вступать не стану, а просто арестую тех сотрудников – а то и весь губернский исполнительный комитет, которые через голову Москвы попытаются устанавливать дипломатические отношения с другими государствами и раздувать сепаратистские настроения, призадумались, спросили, что же такое «сепаратизм», и отправили телеграмму в Кремль самому Ленину[3].

А еще у меня есть Комиссия по расследованиям жертв интервенции и должность начальника губчека.

Сегодня я провожу совещание среди оперативного состава – двух заместителей, четырех начальников отделов и сорока сотрудников. Пожалуй, так много подчиненных у меня еще никогда не было. А ведь у меня еще батальон охраны, раскиданный по разным берегам Северной Двины, и целый взвод красноармейцев, приданных Архангельскому губчека в качестве силовой поддержки.

Я уже рассказал сотрудникам о наших главных задачах, теперь перешел к практическим вопросам.

– Итак… – чуть было не брякнул по привычке «товарищи офицеры», но вовремя спохватился и сказал: – товарищи чекисты, объясняю вам первый и последний раз. Оперативный сотрудник имеет право задерживать подозрительную личность на срок до десяти суток. О каждом задержании вы обязаны составить рапорт на мое имя, изложить подробно и отдать его начальнику. Образец рапорта имеется. Далее – записать все данные о задержанном в книгу учета. Задача – в течение этого времени вам требуется собрать доказательство его вины. Или напротив – вы устанавливаете, что человек невиновен. Если виновен – материалы передаете в ревтрибунал, нет – приносите гражданину извинения и отпускаете его домой. Если по каким-то причинам, подчеркиваю, уважительным причинам! – сотрудник не успел собрать доказательства вины, рядовой чекист идет к своему начальнику, объясняет ситуацию и продлевает срок

[3] Неоценимую помощь в спасении ледокола окажет Фритьоф Нансен, своим авторитетом «надавивший» и на Англию, и на Норвегию. Экипажу доставят уголь и продовольствие. «Соловей Будимирович» будет выведен из льдов в июне 1920 года. Помощь Англии и Норвегии обойдется в два миллиона норвежских крон. Кстати, количество пассажиров и членов экипажа увеличится с 84 до 85 человек, так как одна из женщин-пассажирок родит девочку. В 1921 году ледокол получит название, с которым и войдет в историю, став «Малыгиным».

задержания до одного месяца. Опять-таки пишется рапорт. Если этого окажется мало – опять-таки, по очень уважительным причинам, начальник отдела идет к моему заместителю, и срок задержания продлевается до трех месяцев. Будет мало трех месяцев – идете ко мне. Вопросы?

Какое-то время в кабинете для заседаний стояла такая тишина, что было слышно, как жужжит проснувшаяся муха.

– Хочу спросить… – начал один из оперативников, но я остановил его:

– Товарищи, договариваемся сразу. Если задаете вопрос своему начальнику, для начала требуется встать, потом спросить разрешения, четко назвать свою должность и фамилию, а вот когда начальник разрешит – тогда и зададите вопрос. Всё ясно?

Народ загудел:

– У-у… Тут у нас чё, армия, что ли?

– Отставить! – рявкнул я так, что проснувшаяся муха упала в обморок, а потом для полноты эффекта треснул кулаком по столу, отчего стол загудел, а кулак заболел. Подождав, пока изумленные сотрудники притихнут, заговорил снова:

– У нас, дорогие товарищи, не армия, у нас еще строже. И мы с вами силовая структура государства, а не банда подпольщиков-анархистов. Мы – сотрудники ВЧК! Значит, дисциплина должна быть еще тверже, чем в армии. Что непонятно? Если кто-то считает, что сотрудники чека должны походить на войско батьки Махно, только скажите. Есть желающие?

Желающих сравнить ВЧК с анархистами отчего-то не нашлось. Я, слегка снизив тон, выразительно сказал:

– В нашей Конституции сказано, что все трудящиеся должны защищать РСФСР с оружием в руках. Защита завоеваний революции – это наше почетное право. Но каждое право – это еще и обязанность. Если республика доверила вам оружие, доверила власть, то ваша обязанность соблюдать революционную дисциплину! Итак, повторяю еще раз, есть вопросы?

– Можно вопрос, товарищ начальник? – поднялся с места тот самый оперативник, который чуть раньше пытался задать вопрос. Откашлявшись, парень представился: – Сотрудник чека Рогозин.

– Разрешаю, – кивнул я, пропуская мимо ушей слово «можно». Если сейчас начну объяснять, что ему и кого можно, это уже перебор.

– Почему у рядовых сотрудников прав меньше, чем у начальников отделов? Чем я хуже?

Ну да ничего себе вопросик! Я таких еще ни разу не слышал. Но если вопрос задан, требуется ответить.

– На вопрос «почему», отвечаю так – потому. Вы рядовые оперативники, а они начальники отделов. Ваша задача – решать оперативные, сиюминутные вопросы, а самое главное – четко исполнять приказы. Задача начальников – командовать, вникать в ситуацию, определять круг задач, стоящих перед сотрудниками, а еще нести ответственность не только за себя, но и за вас. Впредь за подобные вопросы стану лишать премии.

– Премии? – сразу же оживился народ.

– Премии, – подтвердил я. – В самое ближайшее время Москва определит размеры наших окладов и, соответственно, премий. За хорошую работу сотрудников начнем поощрять, за плохую – лишать премии. Для поощрения будет создана специальная комиссия, а лишить премии могу только я по рапорту начальника отдела.

Тут я не врал. Штатное расписание уже отправлено на подпись к Дзержинскому, тот подпишет, а бухгалтерия установит наши оклады, размеры премий.

Но первым, кому я выпишу премию, станет не тот чекист, что на днях сумел задержать бывшего подполковника контрразведки, умело скрывавшегося от нас, а тот парень, что предложил систематизировать работу по учету военнопленных. Я даже удивился – почему сам до этого не додумался?

А идея очень проста – воспользоваться опытом библиотек. На каждого задержанного заводим карточку, куда вписываем самое основное – ф.и.о., возраст, гражданскую специальность и место службы в белой армии. Потом расставляем карточки по ящичкам – в этом Северо-Двинский фронт, тут Железнодорожный, внутри разделители по полка́м и подразделениям. Ну и так далее. Теперь гораздо проще проводить допросы, собирать характеристики, выявлять среди солдат офицеров, а среди простых чиновников – интересных персонажей. Вон, недавно выявили гражданина Мефодиева, одного из гласных Архангельской городской думы, ответственного за агитацию и пропаганду, зачем-то пытавшегося прикидываться секретарем-делопроизводителем. А так как бывший гласный имеет диплом врача и солидный опыт работы, то я и определил его по основной специальности – создавать медицинскую часть на Соловках, но не в качестве арестанта, а на правах сотрудника администрации лагеря. Вот если бы не врал, так и вообще отправили гражданина домой, пусть бы занимался частной врачебной практикой. Но в СЛОНе Мефодиев уже развернул бурную деятельность, отыскав себе и помощников, и ассистентов, а теперь забрасывает меня не то требованиями, не то просьбами, касающимися лекарств.

Вот, тоже надо сделать зарубочку в памяти – как следует пошерудить в порту, проверить, не осталось ли где на заброшенных кораблях запасов лекарств?

– Разрешите обратиться, товарищ начальник губчека? – вытянулся по стойке смирно один из моих начальников отделов. Вот, сразу видно, что человек служил в армии!

– Начальник отдела по борьбе со спекуляцией Муравин. Вопрос – для чего разводить лишнюю бюрократию? Мне кажется, вполне достаточно вписать данные задержанного в учетную книгу тюрьмы, вот и всё.

– Товарищ Муравин, – позволил я себе слегка улыбнуться. – О бюрократии мы поговорим чуть позже, на совещании руководства.

Не стану же я в присутствии рядовых сотрудников рычать на начальника отдела, говорить о необходимости соблюдать порядок в делопроизводстве и о дублировании документации. И пусть учет станет двойным во избежание «пропаж задержанных» или утраты хоть рапорта, хоть журнала. И бедный Муравин не знает, что рапорт и запись в книге учета – это еще цветочки! Эх, не знаете вы, что такое настоящая бюрократия. Вы еще скоро начнете писать протоколы о задержании, об осмотре места происшествия и всё остальное.

Муравин сел, немного раздосадованный, что на его вопрос не ответили, но в то же время удовлетворенный. Конечно, любой начальник, даже маленький, желает считать себя причисленным к категории «избранных».

– Еще вопрос, товарищ начальник, – поднял руку один из оперативников. – Сотрудник губчека Замораев. Почему вы против того, чтобы Архангельской губчека предоставили право самой производить расстрелы контрреволюционеров?

Похоже, рабочее совещание начинает превращаться не то в комсомольское, не то в профсоюзное собрание. Но отвечать на вопрос придется. Эх, почему я не могу задвинуть речь о правовом государстве, о необходимости разделения властей? Увы, учение о диктатуре пролетариата учит другому.

– Потому что в этом случае есть большая опасность, что мы можем уподобиться столыпинскому военно-полевому суду. Вы слышали о военно-полевых судах, товарищ Замораев?

Замораев неопределенно повел плечами. Ну откуда уроженец Архангельской губернии, где не было помещичьего землевладения, может знать о крестьянских восстаниях первой революции?

– Но о Столыпине-то хоть слыхали?

– Еще бы! Министр-вешатель, – воспрянул Замораев.

– Разъясняю. В нашу первую революцию, когда крестьяне принялись делить барскую землю, премьер Столыпин приказал подавлять восстания, а для этого учредил военно-полевые

суды. Приходит рота солдат в деревню, зачинщиков арестовывают, а потом командир выносит решение – повесить этого и того (на самом-то деле военно-полевые суды действовали немного по-другому, да и состояли не из одного офицера, но уж очень удобно всё сваливать на министра-вешателя). Если мы сами станем арестовывать граждан, производить расследование, выносить приговоры и приводить в исполнение, то чем мы лучше министра-вешателя?

– Товарищ Аксенов, сравнили тоже! – обиженно хмыкнул чекист. – То Столыпин-вешатель, а то мы – сознательные революционные чекисты.

– Хорошо, товарищ Замораев, убедили, – кивнул я. – Сегодня же отправляю телеграмму товарищу Дзержинскому, чтобы он утвердил для Архангельской губчека должность палача, а я назначу на эту должность именно вас.

– Э, а чего сразу меня-то? – испугался парень. – Вон сколько народа у нас сидит.

– Так это ваша инициатива, товарищ. Вы знаете правило – проявил инициативу, работай, претворяй в жизнь. – Под усмешки и легкий хохоток товарищей Замораев сел. – Тихо-тихо товарищи, – пришлось мне призвать народ к порядку. – У нас с вами и так очень много возможностей. Что же касательно права расстреливать…

Я принял задумчивый вид, мысленно поделил зал на четыре части, остановился взглядом на каждой из них, скользнул по лицам присутствующих. Теперь можно начинать.

– Товарищи, я работаю в Чрезвычайной комиссии с июля одна тысяча девятьсот восемнадцатого года, – начал я свою речь. – Думаю, что проработал в ВЧК больше, чем вы все, вместе взятые.

Удобная, между прочим, методика. Я останавливаю взгляд на части зала, а каждому кажется, что смотрю именно на него. А я продолжал:

– Может так выйти, что человека расстреляют по ложному оговору? Может. Может так случиться, что в наши ряды проникнет контрреволюционер, поставивший своей задачей дискредитацию органов ВЧК? По вашим лицам вижу, что может. А может такое быть, чтобы чекист сводил старые счеты?

Я сделал паузу, чтобы народ проникся. Дождавшись, пока не начнут кивать, опять взял слово:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.